

У четы Ли был лишь один сын, связанный с ними кровными узами.

Мать Ли Хуайшэня и госпожа Ли были неразлучны с детства. Первая, забеременев вне брака, пережила бурю душевных терзаний. Поглощенная горем, она доверила новорожденного подруге и растворилась в неизвестности.

Супруги Ли, добрые сердцем и бесконечно любящие детей, приняли мальчика как родного. И хотя Ли Хуайшэнь рос в их доме приемным сыном, к нему всегда относились с почтением, как к старшему наследнику. Когда же родился их собственный сын, его скромно нарекли «вторым молодым господином семьи Ли».

— ...Брат, — пробормотал Ли Цин, потупив взор, словно пойманный с поличным.

Мимолетная уклончивость в глазах юноши не ускользнула от Ли Хуайшэня. Его взгляд помрачнел, а в чертах проступила привычная холодность.

Ли Цин, погруженный в свои мысли, не заметил перемены. Он ощутил себя в ловушке, без единого шанса на спасение. Внезапно его охватило необъяснимое раздражение, и волна жара прокатилась по телу.

Что происходит?

Откуда взялись эти люди?

И самое главное – он никогда не совершал того, в чем его обвиняли!

Не успев задать ни единого вопроса, Ли Цин почувствовал, что с ним творится что-то странное. Усталость и жар, копившиеся в течение нескольких дней, вырвались наружу неудержимым потоком. Ноги подкосились, и он едва удержался на ногах.

В воздухе разлился густой, обволакивающий феромон с ароматом кедра, терпкий и пьянящий.

— ...Ли Цин!

— Сяоцин!

— Цинцин! – Ли Хуайшэнь успел подхватить его на руки, и на его лице отразилась глубокая тревога.

Даже в своем полубессознательном состоянии Ли Цин понял, что это был тот самый «период точки», нагрянувший совершенно неожиданно!

Его взгляд упал на группу Альф, стоявших перед ним. В их лицах читалось напряжение, собственничество и буря необъяснимых эмоций. Ли Цин мысленно проклинал судьбу...

Все кончено!

Сейчас явно не самое подходящее время для побега из дома!

Ночь окутала поместье темнотой.

Когда Ли Цин открыл глаза, мучительное ощущение жара отступило. Окинув взглядом знакомую обстановку спальни, он заметил пустой флакон от ингибиторов на прикроватной тумбочке.

До него постепенно дошло, что произошло.

С досадой он потер ноющий висок.

Он слышал о неудачных попытках побега из дома, но чтобы так бездарно провалиться – это уже слишком! Мало того, что его не выпустили за порог, так еще и период течки нагрел как гром среди ясного неба!

Ли Цин откинулся на подушки, и в его сознании начали всплывать лица тех мужчин, и взгляд его постепенно становился все более острым.

В памяти всплыл мимолетный образ, возникший за секунду до потери сознания.

В оригинальной истории, после возвращения главного героя в семью Ли, он, благодаря своему обаянию и многочисленным талантам, быстро завоевал всеобщую любовь и поддержку.

Сун Цзяшу, Су Ян и Хань Сюбай – все трое были хорошо известны среди его поклонников. Даже Ли Хуайшэнь, старший брат, известный своей холодностью и отстраненностью, питал к нему особую симпатию.

Более того, все они были связаны с первоначальным владельцем: возмущенные его жестоким обращением с главным героем, они объединились, чтобы выгнать его из дома. В результате, первоначальный владелец остался без гроша в кармане и нашел свою трагическую смерть в полуразрушенной лачуге, сгорев в пожаре.

При этой мысли взгляд Ли Цина омрачился, но затем в нем промелькнуло замешательство.

По сюжету, его взаимодействие с этими «большими шишками» должно было произойти только после появления настоящего главного героя. Но почему они все пришли к нему именно сейчас?

Ему было еще сложнее понять, почему эти люди обращались с ним, как с близким другом.

Праздновали ли они вместе победу на Большом шлеме? Спасал ли он когда-нибудь чьи-то ноги? Был ли он его единственной родственной душой в музыке?

Откуда взялись эти воспоминания? Их не было ни в памяти ни автора, ни в памяти первоначального владельца, ни в оригинальном сюжете!

Прежде чем Ли Цин успел что-либо понять, дверь тихонько приоткрылась. На пороге показался взволнованная женщина и с тревогой спросила:

— Сяо Цин, тебе нехорошо?

— Сяоцин, ты еще не спишь? - за ним вошел еще один мужчина средних лет.

Глаза Ли Цина слегка дрогнули, и он непроизвольно выпрямился:

— Папа, мама, не беспокойтесь, со мной все в порядке.

Мэн Шу отряхнула уголок одеяла и мягко сказала:

— Сынок, ничего страшного, что ты не принял ингибиторы заранее, но почему ты решил убежать? К счастью, Хуайшэнь вовремя нашел тебя и вернул обратно.

Ли Цин виновато откашлялся.

Он никогда не считал себя Омегой, откуда ему было знать, что усталость и жар могут быть признаком течки? Иначе он точно не выбрал бы этот день для побега из дома.

Увидев, что он выглядит лучше, Ли Гуаншэн помедлил несколько секунд, а затем осторожно спросил:

— Сяоцин, зачем ты забронировал билет в страну А?

— ...

Ли Цин слегка опешил, понимая, что правду все равно не удастся скрыть. Что ж, лучше все прояснить сейчас, чем ждать, пока появится настоящий молодой господин и его выгонят из дома. Он поджал губы и тихо сказал:

— Я кое-что узнал.

Ли Гуаншэн и его жена обменялись взглядами, понимая, о чем идет речь. Ли Гуаншэн, тщательно подбирая слова, спросил:

— ...О «нем»?

Видя, что тема поднята, Ли Цин выпалил:

— ...Я не ваш биологический сын. Больница перепутала детей двадцать три года назад, верно?

Супруги были потрясены этим признанием, в их глазах отразилось удивление и смятение.

Мэн Шу догадалась, в чем дело, и спросила:

— И поэтому ты хотел убежать из дома?

Ли Цин поднял глаза и едва слышно хмыкнул, все еще испытывая некоторую нерешительность. В конце концов, за эти полгода между ними возникла настоящая семейная связь.

Видя молчание Ли Цина, Мэн Шу решила, что он расстроен, и поспешила успокоить его:

— Сяоцин, мы понимаем, что эта новость стала для тебя полной неожиданностью, и тебе, должно быть, трудно ее принять.

— Но ты должен знать, что мы с твоим отцом заботились о тебе и защищали тебя с самого детства. Наши отношения, которые длятся уже больше двадцати лет, — это не пустой звук! В наших сердцах нет никакой разницы между тобой и нашим собственным ребенком!

Ли Гуаншэн молча кивнул в знак согласия.

Как можно было надеяться на одного ребенка, а потом потерять его? Семья Ли была так богата и влиятельна, неужели они не могли позаботиться о троих детях?

— Так что даже не думай об уходе из дома, хорошо? - Мэн Шу вдруг расплакалась, глядя на Ли Цина любящим взглядом. — Что бы ни случилось, мама и папа всегда будут любить тебя. Ты же не хочешь нас расстраивать, правда?

От этих слов сердце Ли Цина дрогнуло.

Раньше его заботили только сюжет и он сам, он совершенно не учитывал чувства четы Ли. Если он сбежит из дома, это причинит им невыносимую боль.

В конце концов, он был их сыном.

В тишине Ли Цин заметил чей-то пристальный взгляд и обернулся - в дверях стоял Ли Хуайшэнь. Он молча смотрел на него, не отрываясь.

Ли Цин растерялся:

— ...Брат?

Мужчина подошел к кровати, и в следующее мгновение Ли Цин почувствовал тепло на своей голове.

Широкая ладонь накрыла его голову, а от тела, находящегося так близко, исходил слабый и манящий аромат выдержанного вина, который внезапно разлился теплом по всему телу.

Ли Цин опешил и вовремя подавил блуждающие мысли, когда услышал его голос:

— Не уходи, ты нам очень дорог. Никто не сможет занять твоё место в наших сердцах.

— ...

Ли Цин был окончательно сбит с толку.

Последние полгода Ли Хуайшэнь провел за границей, занимаясь своими делами, и их пути ни разу не пересеклись.

В памяти первоначального владельца его старший брат был холодным и суровым человеком, лишенным всякой теплоты. Что уж говорить об оригинальной истории, в которой отношение Ли Хуайшэня к первоначальному владельцу можно было охарактеризовать как «отвращение».

Но теперь он говорил искренне.

К счастью, Ли Хуайшэнь быстро убрал руку и снова замолчал.

— Сяоцин, будь умницей. Завтра мы устроим вечеринку в честь твоего дня рождения, — Мэн

Шу заметила нерешительность Ли Цина и добавила: — Ты ведь не хочешь нас расстраивать?

Ли Цин окончательно отказался от мысли покинуть дом.

Забудем об этом. Раз ничего еще не произошло, он останется и посмотрит, как будут развиваться события. И главное, он не может позволить себе расстаться с этой семьей.

Ли Цин собрался с духом и, как обычно, мягко улыбнулся:

— Хорошо, я понял.

Супруги Ли облегченно вздохнули.

— Вот это другое дело! Хуайшэнь редко приезжает домой из-за границы. Ужин уже готов. Давайте все вместе вкусно поужинаем, хорошо?

— Да, — кивнул Ли Цин, и уголки его губ снова приподнялись в улыбке. — Я ничего не ел целый день, я очень голоден.

Ли Хуайшэнь смотрел на его улыбку, и выражение его лица, никогда не выражавшее эмоций, на мгновение смягчилось.

<http://bllate.org/book/14669/1302336>